Взрывы у трассы Бухара-Караулбазар, или Как эти и другие «сюрпризы» влияют на экоцентр «Джейран»

Экоцентр «Джейран» расположен в Бухарской области Узбекистана на двух территориях, разделенных автотрассой. Первая имеет площадь в 5145 гектаров, защищена 40-километровой оградой. Вторая – не огражденная. Она была расширена по решению правительства Узбекистана (2008г.) и занимает 11377 га. Наряду с джейранами здесь созданы жизнеспособные популяции лошадей Пржевальского, куланов. Как им живется, определим в ходе ежегодного осеннего учета.

Яркие впечатления осеннего учета

Ясным безмятежным утром мы, волонтеры, прибывшие из Ташкента и Самарканда,

выезжаем на вторую территорию. Получены инструкции от сотрудников экоцентра, определены маршруты. Маршруты для каждой группы из двух-трех человек разные, ориентир один – гора. На одних топографических картах она называется Кайкасач, на других – Кайнагач. Среди проезжащих по трассе Бухара-Караулбазар известна как «белая», по весне, когда зацветает полынь, она еще и «синяя». В общем, очень приметна. На нее и держим курс.
Представьте себя на нашем месте. Пересекаем пустыню. Между участниками учета метров по двести, а то и триста. Цепь растянулась. Кто вырвался вперед, кто отстал. Передовики уже у горы. Вдруг над горой взмывает «гриб», затем доходит до ушей звук взрыва. «Бабах!» Мы остолбеневаем. Бело-оранжевое облако над горой все выше и шире. «Что это — ядерный взрыв?»
Вернемся от ярких коллективных эмоций к началу пути. Сюрпризы ожидались, все-таки идти по пустыне. На нашем с коллегой маршруте первым неодолимым препятствием оказался отвод из Аму-Бухарского канала, прокопанный в фермерские хозяйства на земле экоцентра. Вероятно, в нем течет бесконтрольная водица.

Мы хотели пересечь препятствие вброд, но вспомнили услышанную накануне историю, как фермеры гоняли с полей лошадей Пржевальского, одна увязла в глине и утонула. Возвращаясь к Аму-Бухарскому каналу, мы размышляли об исполнении решений правительства.

Из предписанных Кабмином 24 тысяч гектаров Бухарский областной хокимият выдал экоцентру кадастровые документы лишь на 9369 га. Постановлением правительства предусматривались его границы от автотрассы до коллектора, от Аму-Бухарского канала до горы. В этих границах девять фермерских хозяйств как вели, так и ведут свою хозяйственную деятельность. Они выпасают скот, истощая ресурсы пустыни, гоняют на тракторах и бульдозерах, копают каналы, в самодельных прудах выращивают рыбу. Для диких животных – стресс. Для лиц, принимающих решения, вопрос. Кто контролирует исполнение постановлений Кабинета Министров?

Отправляясь к горе, мы наблюдали обработанные поля справа. Когда так и не форсированный нами водный отвод свернул туда же, к фермерским постройкам, поля оказались и прямо по курсу.

Мы шагали по арбузным плантациям, кенафной стерне, проутюженной крупной техникой

пашне, люцерновой зелени. Вот это сюрприз во владениях диких животных! Впрочем, из всего сельхознабора разве что люцерной дикие животные могут подкрепиться, если осерчавшие хозяева не загонят в болото.
Соленые болота образуются из дренирующих вод. Одно их них нам предстояло обогнуть или пересечь. Покрыто белой коркой. Корка представлялась вполне надежной. Мы двинулись напрямки. Но после того, как узорчатый наст, казавшийся твердым панцирем, ближе к середине полопался до цепкой жижи, мы поняли, что надо уносить ноги и совершать обход естественного препятствия.

Рассказываю об этих ярких впечатлениях учета, чтобы было понятно, почему мы отстали от передовиков. Их мы с завистью рассматривали в объектив фотоаппарата: «Кажется, авангард намерен совершить восхождение!»
Взрыв на горе-ориентире оказался для всех внезапен и ошеломителен. Дети, участвовавшие в учете вместе с родителями, очень испугались «извержения вулкана». Испугались и взрослые. Когда белое-желтое облако расплывалось над горой, припомнились рассказы, что на 99 процентов она состоит из гипса. «Так вот оно что!

Кто-то там «балуется» с динамитом».
Место, где взрывают, не ограждено. Никаких предупредительных сигналов. В зону взрыва могут попасть как дикие животные экоцентра, так и люди. Наши люди не попали. Про джейранов, куланов и лошадей Пржевальского не известно. Крича и шумя на маршрутах, мы, «загонщики», направляли их на «учетчиков». Те считали животных с нижнего яруса горы. «Загонщики» подустали и на гору не полезли, но «зашуганные» обитатели пустыни могли доскакать до верхотуры.

У наблюдательной вышки загонщиков и учетчиков ожидал транспорт. Здесь собралась основная группа, кого-то подхватывали по пути. И продолжали обсуждать взрыв: «Компетентные органы ситуацию контролируют?» Мы, участники джейраних учетов, угодили в зону взрыва впервые. Научные сотрудники говорили, что варварская добыча гипса на горе наносит живой природе непоправимый ущерб. По розе ветров белую пыль несет на пустыню, где дикие животные должны процветать и размножаться в естественных условиях. Пустыня загипсовывается, под гипсовой коркой растения не растут. Кормов меньше.
Взрывая гору, рудознатцы не утруждают себя соблюдением технологии по добыче и

расфасовке. Главное, дешево и сердито. Сырье вывозят «навалом» на грузовиках, с которых оно развевается во все стороны.

Никто не озабочен ни тем, что взрывы гремят близ оживленной автотрассы, ни тем, что национальное достояние под угрозой. Загубить легко. Таких экоцентров сорок лет назад было создано семь на территории нынешних стран СНГ. Все утрачены. Сохранить удалось только наш, узбекистанский. В виду уникальности статус экоцентра «Джейран» в законодательстве Узбекистана прописан особо.
Если бы оно еще и соблюдалось! На неогроженном участке самовольничают не только фермеры, которые захватывают землю под посевы, выпасают скот, разводят рыбу в самодельных прудах. Здесь «неведомые предприниматели» добывают соль, выпаренную из дренажных стоков. Здесь «неизвестные заготовители» вырубают саксаул. Что касается охоты, то и она имеет место быть: джейранье мясо для браконьеров — бесплатный деликатес. Пустыня прочерчена шинами автомобилей.

Мечта о гепарде

После учетов диких животных на обеих территориях экоцентра «Джейран» мы встретились с директором экоцентра Алишером Махмудовым. Сообщили, что наша миссия в этот раз состояла не только в том, чтобы вместе с другими волонтерами поучаствовать в научном мероприятии. Было и особая просьба от Программы малых грантов Глобального экологического фонда в Узбекистане выяснить причины, по которым проект экоцентра по разведению гепарда, поддержанный ПМГ ГЭФ, остановился.
Гепард – дикая кошка — когда-то вольно обитал в этих краях. У экоцентра есть опыт содержания гепарда в вольере в течение 16 лет. Идея проекта – возродить популяцию гепарда на Устюрте. Научные сотрудники во главе с заместителем директора по науке Натальей Солдатовой (работает в экоцентре с его основания) подготовили детальный план по созданию условий для жизни и размножения гепарда на просторах второй территории, а затем и переселения.
В прошлые приезды мы отмечали, как много сделано для выполнения международного проекта, поддержанного не только ПМГ ГЭФ, но и Всемирным фондом дикой природы (WWF России), Международным союзом охраны природы. Построены вольеры для адаптации нескольких гепардов. Рядом с ними отремонтирована постройка для ведения научной работы и проживания научного сотрудника. Эти объекты адаптационного центра были готовы еще три года назад. Тогда же протянута к адаптационному центру линия электропередачи.

В 2015-м приезжали представители WWF, центров разведения гепардов. Они оценили условия, команду проекта и пообещали бесплатно передать Узбекистану двух самцов гепарда. Когда те обживутся в экоцентре, сюда же доставят четырех самок. Следующий шаг после адаптации – выпуск гепардов из вольер на волю. Для людей дикая кошка не опасна. Для восстановления биоразнообразия бесценна. Прибытие первых гепардов ожидалось в 2016-м.

Диалог с директором

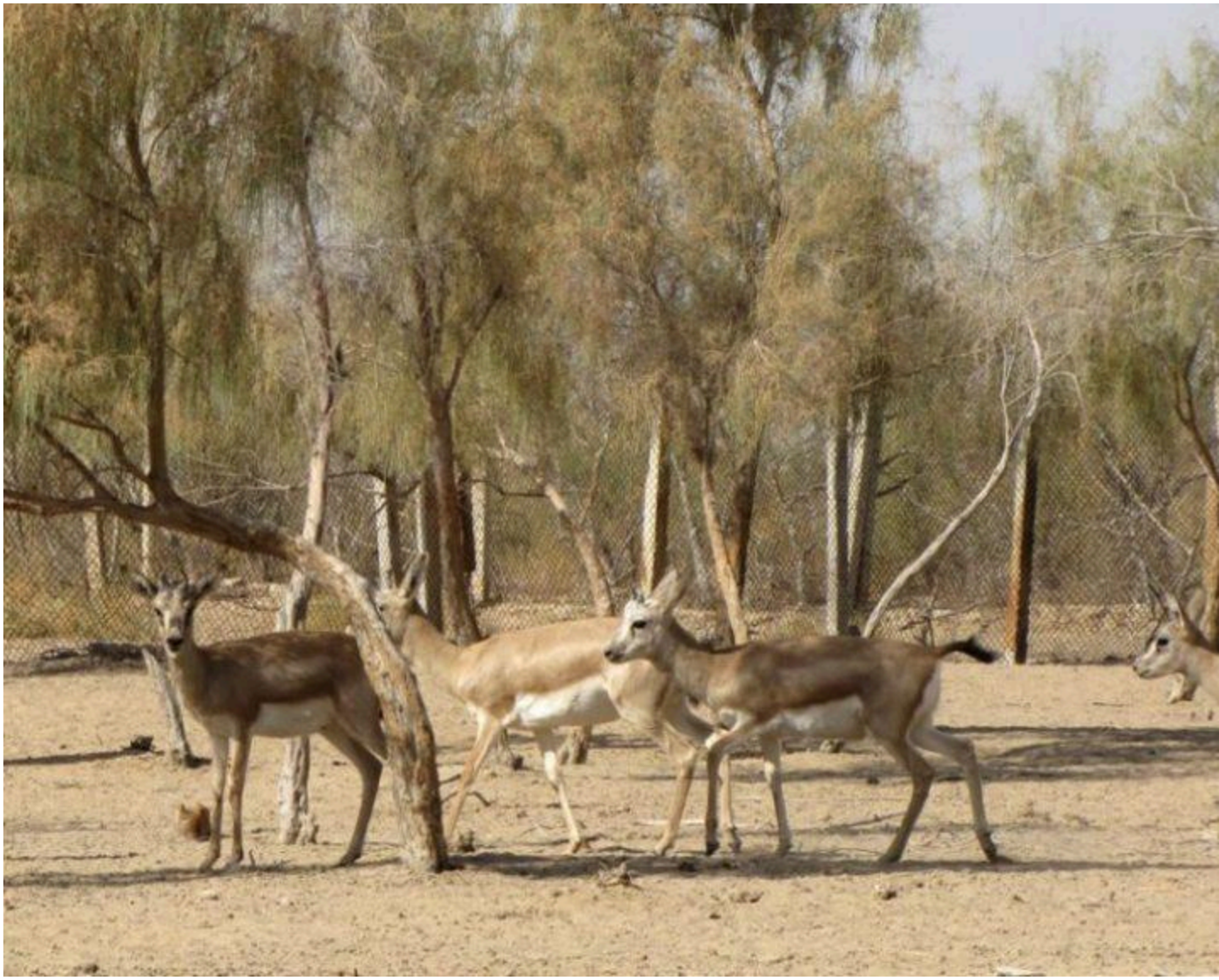
Приведу наш диалог с директором экоцентра Махмудовым, приступившим к работе весной 2016-го.

«Почему не получается завершить проект?» – «Мы готовы принять гепардов хоть завтра».

«Взрывы – это стресс для животных» – «С этим ничего поделать не можем».

«Как организована охрана не огражденной территории?» – «Была на мачте видеокамера, сломалась. Инспекторы выезжали охранять на «Дамасе», но при погоне за браконьерами (заготовка саксаула), он перевернулся, поврежден. Ждем новую машину из

Госкомэкологии в 2018 году».
«Территория открыта со всех сторон. Испещрена колеями. Может быть, нужен забор хотя бы вдоль трассы?» – «Не нужен. С трассы никто не съезжает, разве что в туалет».
«В адаптационном центре живут посторонние. Накануне вечером мы имели с ними беседу. Мужчины сказали, что их наняли копать пруд». – «Не может быть».
«Сможете гарантировать безопасность сотруднице, ведущей научную работу в адаптационном центре?» На этот вопрос ответа не последовало.
«В соленом озере рядом с адаптационным центром идет добыча соли. Вчера мы насчитали полсотни мешков и кучи соли для расфасовки. Вряд ли это понравится гепардам». – «Это не наша территория, фермеров».
«Мы видели сотрудников экоцентра, обрабатывающих поля на второй территории». – «Да, осваиваем земли под корма».
«Экоцентр – бюджетная организация. На страховые корма выделяемых Госкомэкологией средств не хватает?» – «Не хватает».
«Стадо коз, разведенное в пищу для гепардов, находится в весьма плачевном состоянии. И их раза в два меньше, чем было». – «Те, что в загоне, больны бруцеллезом. Здоровые ходят с чабаном за горой».
«Экотуризм приносит доход?» – «Средства поступают на спецсчет. Ожидаем строительство визит-центра и развитие экотуризма».
«Уволились два научных сотрудника, занятых в проекте по гепарду. Кто займется гепардами, если дикие кошки прибудут завтра?» – «Объявим конкурс, наймем».
Что означает этот оптимизм? Да ничего. Под обещания зарубежные партнеры гепардов не пришлют. Как ни жаль, но следует ожидать печальный финал гепардового проекта, и в связи с этим падение научного авторитета экоцентра «Джейран» в международном сообществе. Это произойдет, если к уникальному местообитанию диких животных относиться, как сейчас, когда «обманываться рады». Когда не соблюдается законодательство, не выполняются международные обязательства.
Стоит напомнить, что Узбекистан, присоединившись в 1995 году к Конвенции ООН о биологическом разнообразии принял обязательство увеличить площадь охраняемых природных территорий до 10 процентов от площади страны. Сроки миновали, обязательства не выполнены. На примере экоцентра видно, как теряем то, что имели и могли бы иметь.

Кажется вечным

Познакомимся с результатами осеннего учета – 2017. Что на первой территории? Здесь обитают 956 джейранов, 125 куланов, 16 лошадей Пржевальского. Вроде все благополучно и естьприрост.

На второй территории численность джейрана резко падает: в 1997 году их 500, в 2016 году — 48, в 2017 году — 26. Восемь куланов, выпущенные в 2012 году на второй территории для восстановления биоценозов пустыни, пропали. Лошадей Пржевальского – семь. Численность животных снижается. Причины — браконьерство, хозяйственная деятельность, да и прямой захват земли.

В 2017-м экоцентру «Джейран» исполнилось сорок лет. Первые джейраны появились в нем в мае 1977-го. Про дату как-то все подзабыли. Кажется вечным наше национальное достояние.

Наталия ШУЛЕПИНА

фото автора
Два фоторепортажа на эту тему:
1. Экоцентру «Джейран» исполнилось сорок лет
2.Осенний учет в экоцентре «Джейран», или Три дня в Кызылкумах

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

09.10.2017